

АНДРЕЙ ПАЛЬВАЛЬ
МАКСИМ МУЗЫКА

САУР- МОГИЛА

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

Максим Музыка

**Саур-Могила. Военные
дневники (сборник)**

«ОМІКО»

2016

ББК 63.3(4УКР)

Музыка М. И.

Саур-Могила. Военные дневники (сборник) / М. И. Музыка —
«ОМІКО», 2016

ISBN 978-966-03-7680-9

Саур-Могила... необычное место. Но эта книга не столько о местах, сколько о людях и событиях августа 2014 года. Как луч фонарика, брошенного в темноту, сознание авторов выхватило лица, действия и впечатления. И, пропустив через призму собственного опыта и мировоззрения, превратило в текст. Много субъективного, мало пафоса, наверное, много неточностей, связанных с личным восприятием событий и свойствами памяти. Но это попытка передать все именно так, как запомнилось. Изначально авторы писали тексты для себя, чтобы понять, чтобы не забыть, чтобы переварить полученный опыт. Потому что есть вещи, которые нельзя долго держать в себе. Жара, усталость, лица побратимов. Понимание того, что завтра может не наступить. Пыль и пот. Это и есть война. Она всегда рядом.

ББК 63.3(4УКР)

ISBN 978-966-03-7680-9

© Музыка М. И., 2016

© ОМІКО, 2016

Содержание

Максим Музыка	6
Предисловие	6
30 июля 2014 г., г. Киев	7
30 июля 2014 г., г. Киев, Жилинская, 68, Центр боевых искусств	8
31 июля 2014 г., г. Киев	9
1 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО	12
2 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО	19
3 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО	22
3 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО	25
4 августа 2014 г., с. Гранитное, база 3-го полка СпП	27
4 августа 2014 г., с. Петровское	31
5 августа 2014 г., с. Петровское	37
5 августа 2014 г., с. Петровское	41
6 августа 2014 г., с. Петровское	45
6 августа 2014 г., с. Петровское	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Максим Музыка
Андрей Пальваль
Саур-Могила
Военные дневники**

© А. Н. Музыка, М. И. Пальваль, 2016

© Н. Величко, художественное оформление, 2016

Фото из архива М. Музыка.

А. Пальваль благодарит побратимов за предоставленные фотографии

Максим Музыка Воспоминания о Саур-Могиле

Предисловие

Никогда бы не подумал, что процесс перепросмотра тех жарких августовских дней будет подобен рвоте. Тебя выворачивает наизнанку, хочешь ты того или нет. Попытки сдерживать эти позывы не приводят ни к чему хорошему.

Чем глубже ты погружаешься в эмоции, переживания, тем сильнее тебя мутит. Дерёт горло. Наворачиваются слёзы.

Череди лиц. Родных и малознакомых. Некоторые не вернулись с той Шайтан-Горы. Другие нашли свою смерть в иных квадратах под другими координатами. О судьбе остальных можно лишь догадываться, надеяться что всё у них сложилось хорошо. Номера поменялись, телефоны сгорели, люди канули в реку войны. Вынырнут ли они однажды из неё – никто не знает. Берегов пока не видно.

Вид на Саур-Могилу с нижней площадки

30 июля 2014 г., г. Киев

Она не пришла. За ночь просыпался несколько раз, мерещился жар её кожи с лёгким ароматом молока, который майской ночью свёл меня с ума. Казалось, будто щёлкает замок. Она единственная знает код на двери моей квартиры. Но она не пришла.

«Как ты мог? Как ты мог решить это без меня??» – её слова до сих пор отдавались эхом в голове, хотя это были лишь буквы в безголосом мессенджере.

Мог бы иначе – решил бы иначе. Почти три месяца волонтёрских поездок в зону не могли не сказаться. Когда за 25–30 часов успеваешь проехать 1700–2000 километров «туда и обратно», в голове всё меняется. Маршрут простой: «мир – война – мир». Самовлюблённый и ванильно-валяжный мир. Отрезвляющая и ошеломляющая война с привкусом серы и железа. Тут – ухоженные гламурные мальчики с подкачанными бицепсиками. Там – уставшие, пыльные и обожжённые пацаны. И мужики. И деды. Как я мог не решить? Как после этого смотреть в зеркало?

Без пяти минут будильник. Во сколько бы не лёг, просыпаюсь за пять минут до сигнала. Боязнь побеспокоить спящих рядом приучила вставать заблаговременно. Даже когда уже давно спишь один.

Дорога к залу от квартиры как для утра вторника весьма малолюдна. У ворот стоит машина Серёги. Тренировку он проведёт. Прохожу мимо, даже не замедляя шага. Мне совсем не хочется туда идти. Слышать «плач Ярославны» и ловить сочувствующе-непонимающие взгляды ещё и сегодня – выше моих сил. Хватит. Время тренировок прошло. Пора воевать.

Хоть ехать и завтра, но попрощаться со всеми лучше сегодня. Завтра военкомат, база «Милитарист», последние сборы и ночная дорога. Фейсбук – лучшая доска объявлений:

«Кто хотел обняться, приходите сегодня на 19–00 на Жилианскую, 68. Посидим. Поговорим. Помолчим. Недолго. Часок».

Но вначале нужно съездить к малышам. Хочется провести на час-другой больше времени с ними. Вызываю такси. Приедет чёрный «лансер» с донецкими номерами. Уже привычно для Киева. Сказать «понаехали» рот не открывается. Никому и никогда не пожелаю быть беженцем. Уставший таксист. Ещё плохо знает город. «Поверните налево» – будничным тоном подсказывает ему всезнающая тётенька из навигатора.

Богдан, как всегда, спокоен:

– Тато, а ти скоро повернешся?

– Не знаю, малий. Може, через пару тижнів.

– А чого ти туди їдеш?

– Бо туди прийшли злі дяді і хочуть забрати нашу країну.

– А що, в них своєї країни нема?

– ... Є.. Але...

Как же трудно ответить пятилетнему сыну на, казалось бы, простые вопросы. Хорошо хоть двухлетняя Соля пока не задаёт вопросов, а лишь жмётся и обнимает. Подумалось: «По крайней мере, у меня уже есть дети, в отличие от многих пацанов, что сейчас там».

30 июля 2014 г., г. Киев, Жилянская, 68, Центр боевых искусств

На утренний пост в фейсбуке откликнулись и старые друзья, пришли развиртуализироваться и новые знакомые по сети. Таня, от лица учеников, подарила мне часы «с правильной подсветкой... я советовалась». Спасибо же. Приятно же. Приносят обереги, амулеты, детские рисунки. Женя подарил «смертник» – так ласково называют бойцы именные жетоны.

Меня собирают как терминатора. Друзья-волонтеры передают полезности. Юрко Мавпа, легенда Майдана, комплектует аптечку, приговаривая волшебную мантру: «дай-бог-не-пригодится-но-запомни-сука-проверю». Его чёрная псина терпеливо лежит под столом и ждёт заслуженной ласки.

Фейсбук не унимается. Меня френдят и фолловят девушки и женщины. Часто с красивыми аватарками. Хочется лайкнуть, да грузятся фотографии тааак медленно, что не могу. Как сказала когда-то старший лейтенант велосипедных войск Марина – «это твои болельщики». Задумался. «Болельщик» – не от слова ли «боль»?

Представил себя на поле стадиона «Динамо», где тренировался в туманном детстве. Примерно та же вместимость, что и подписчиков у меня. Всем нужно хлеба и зрелищ. Для кого-то ты – хлеб. Для кого-то – зрелище? Хе-хе. Тогда уж, читалище.

Пришло сообщение от хорошей знакомой:

«Макс, позвонили те, кому ты помог с брониками. Ребята в Торезе попали в засаду. Один „двухсотый“. Серёжа, с которым я общаюсь, – средней тяжести, ещё тяжело говорить, но ооочень благодарил за бронжилеты. Выдержал броник два попадания из РПГ. От меня тебе огромное спасибо».

Мне-то не за что. Собрал – купил – передал. Неужто пластины выдержали РПГ? Хмм. Не особо верится как-то. Может, из подствольника попали. Или имелось в виду, что два осколка пластины остановили. Впрочем, какая разница.

«Передала слово в слово. Они мне цветы собрались дарить, черти. Часть из них должны в Киев в госпиталь перевезти. Обязательно проведу. Их 15 часов доставляли в Харьков, поэтому раненый умер».

Да уж. К смертям привыкаешь. Но к тому, что не успел сам, – не привыкнуть. «Встретимся завтра» – печальный самообман. Во время войны понимаешь это особенно остро. Недосказал, недослушал, недообнял, недогрел. А человека уже нет. Сжимается время. Чувства уплотняются, и всё ускоряется. Чего ждать, если сейчас уже сейчас. Завтра нас уже не будет.

31 июля 2014 г., г. Киев

С момента выпуска из университета прошло тринадцать лет, но за это время не удалось поменять приписное свидетельство на военный билет офицера запаса. Вначале у них не было бланков, затем у меня не было желания к ним переться в самую глубь Лесного массива. Прописки не менял – ну и слава Богу. Теперь же пришлось напрячь и жопу, и знакомых. Без военника на войне никак.

На переднем сиденье троллейбуса сидела девушка с книгой в руках. Длинные волосы цвета осени. Нежная розовая кожа. Услышав, как я спрашиваю кондуктора, доеду ли до военкомата, вздрогнула, посмотрела мне в глаза. Перевела испуганный взгляд на мою футболку с надписью STOP PUTIN. Опять посмотрела в глаза и задумчиво отвернулась. Кондуктор посоветовал пересест в автобус № 81. Когда я проходил мимо её окна, она всё ещё сидела в болезненном оцепенении, погружённая в видимо нелёгкие мысли.

Военник выдали без особых проблем и очередей. Социальные связи всё же помогают. Экономят время. Но пришлось и сказать, что уже сегодня я уезжаю в АТО и мне оччень надо.

– Так вы же у нас на учёте стоите. Вас же нет в мобилизационных списках. Как это так, что вы туда едете? Зачем?

– Там при ГУР добровольческую разведроту формируют, звонил им, меня берут. Там уже они сами как-то оформят. А в вашей бюрократии я ничего не понимаю. Мне просто военник надо.

Объяснять, какое отношение я имею к Главному управлению разведки со своей военно-учётной специальностью «Военные финансы», доставшейся мне вместе с офицерским званием от военной кафедры «политеха», у меня не было ни времени, ни желания. Военкомат, работавший во время фактической войны три часа в неделю по четвергам, не вызывал у меня ни малейшего уважения, ни уж тем более пиетета.

Склады «Милитариста» оказались весьма людным местом. Набрав всё, что нужно, заехал в квартиру упаковываться. Единственное, чего не смог найти за всю неделю, – это кевларовой каски. Ирония судьбы, что волонтёр, отвёзший на фронт пару сотен касок, себе каску так и не смог найти.

Приехала попрощаться и она. Подарила оберег – привезённую из Черногории кукломотанку в виде маленького розового автоматчика. Обещал с ним не расставаться ни на секунду. Все остальные подаренные обереги решил оставить дома. Их было столько, что понадобился бы ещё один рюкзак. «Прости. Провожать тебя не буду. Плохо чувствую себя. Поеду домой».

Мой оберег – маленький розовый автоматчик на фоне рисунка 8-летнего Ильи. Рисунок мне вручила его мама, прекрасная женщина-волонтер, которая рассказала трогательную историю: «Сын спрашивает меня: „А этот дядя тоже воюет?“ Я ему говорю: „Он занимается помощью армии и бойцам“. Илья подумал и говорит: „Я понял, он ангел-хранитель, только крылья спрятал“».

* * *

Напакованный волонтерским товаром бронированный пикап «мицубиши» выкатывался почти в полночь из родных бежевых ворот. Пикап очень ждали «котики» – бойцы 73-го морского центра специальных операций. Мы им помогали с начала июня. Во время штурма Дзержинска их подаренный нами «уазик» сгорел. И сейчас им крайне нужен был транспорт. Утром надо было ехать на «работу».

Поэтому я торопился и безбожно гнал старенькую «эльку» по ставшему родным за последние три месяца маршруту: Киев – Полтава – Харьков – Изюм – Славянск – Краматорск. Впрочем, в последних двух городах я был лишь дважды после освобождения. А в Краматорске был в мае ещё и до освобождения, тогда нашим был лишь аэродром, на который я сейчас и направлялся.

В Полтаве среди ночи у Макдональдса меня ждал мой старый ученик Дима. Хотел обязательно подарить сине-жёлтый атласный флаг, освящённый патриархом. Обнялись. Постояли пять минут и разъехались.

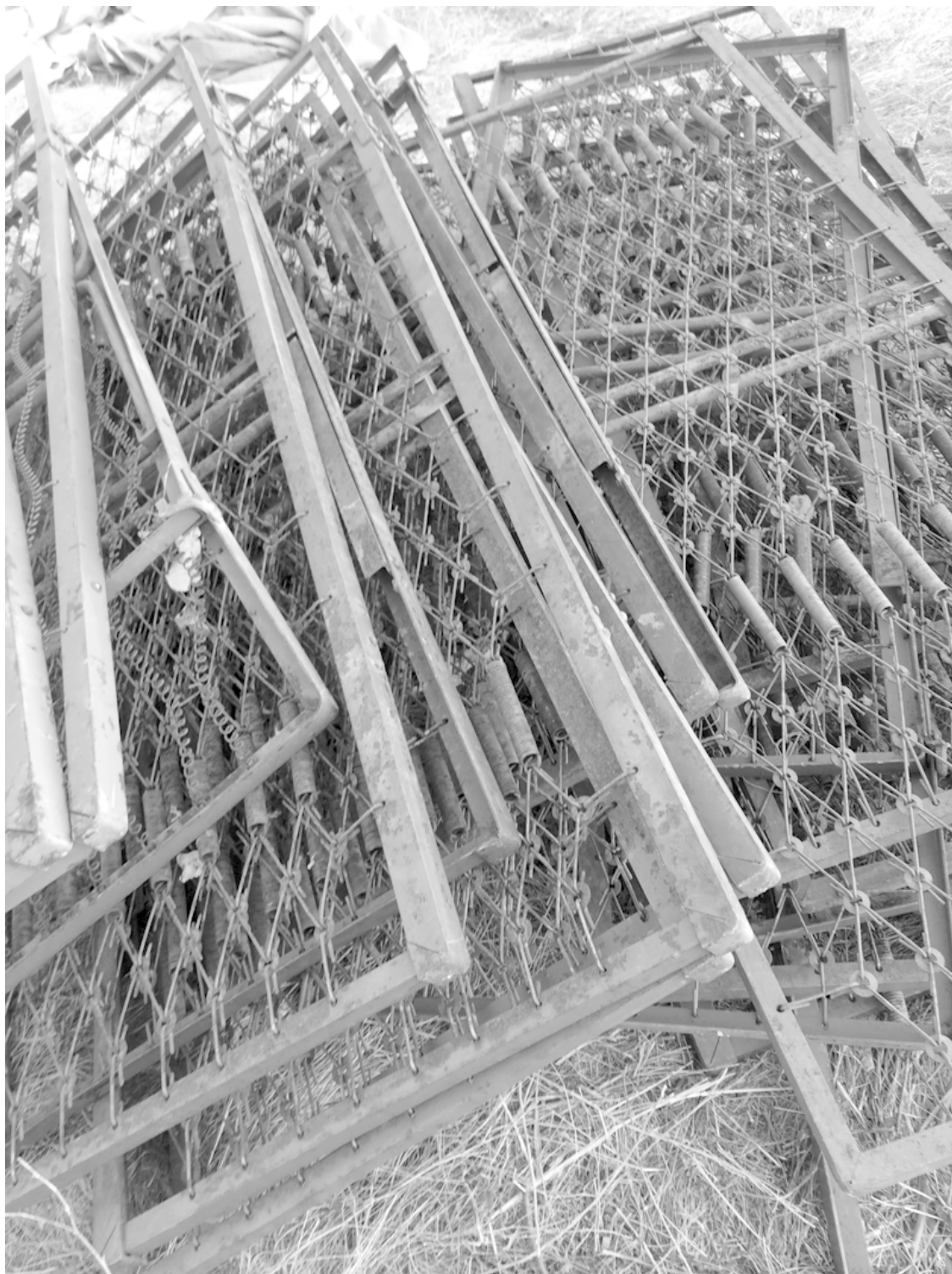
На этом автомобиле я приехал в Краматорск. Момент его передачи 2-му отряду 73 МЦСО.

1 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО

К 10 утра я уже был на месте у ворот Краматорского аэродрома, на котором располагались как и группа, к которой мне предстояло присоединиться, так и бойцы второго отряда морского центра спецназа. Очень переживал, что «котики» будут ждать из-за меня, но оказалось, что они планировали ехать на «работу» лишь после обеда, поэтому я приехал как раз удачно. У них оставалось достаточно времени, чтобы дозаправить «эльку» и подготовить её к боевому выходу.

Сделав фотографии для отчёта и выгрузив свои рюкзаки и три огромные коробки с экипировкой, брониками, медикаментами, которые предназначались уже моей будущей группе, набрал своего командира – Костю «Вихря». Он приехал довольно быстро вместе с офицером ГУР, который представился Толиком.

Погрузив вещи в машину, мы поехали в свой лагерь на аэродроме. Лагерь располагался в двадцати-тридцати метрах от взлётки. Пока там была лишь одна палатка, в которой стояли всего несколько коек и два стола с компьютерами. Коробки с экипировкой и медикаментами мы в ней и сложили. Самое ценное, а именно два тепловизора, я отдал Косте в руки, чтобы случайно по армейской традиции они не про...бались.

Кровати для нашей палатки. Матрасов пока нет.

– Ребята только собираются в Харькове, должны через несколько дней приехать. Ты один из первых. Там их Саша «Сокол» собирает, с которым ты разговаривал по телефону.

Помимо меня и Кости, в лагере из нашей группы было трое харьковчан: Сергей «Быстрый», Ваня «Ганс» и Олег «Леший». Сергей – подтянутый боец примерно моего возраста с острым взглядом, громким голосом и заразительным хохотом. Ваня – очень высокий, со светлыми волосами, с открытым лицом ребёнка. Олег – задумчивый и временами излишне серьёзный

штен. Сразу бросалось в глаза, что Олег с Ваней – давние друзья, это было видно по манере общения. Они и тренировались вместе, Ваня увлекался айкидо и показывал Олегу простые техники. Когда я достал привезённые для тренировок резиновые ножи, то ребята довольно долго развлекались, мягко спаррингуя с ножами.

День был жаркий. После бессонной ночи за рулём моё состояние можно было назвать лишь условно бодрим, но эмоциональное и ментальное возбуждение от новой обстановки, от новых знакомств было слишком сильным, чтобы заснуть. Максимум, что удалось, – немного подремать. Поэтому я сидел и лежал в тени, наблюдая за своими новыми товарищами. Они мне несомненно нравились.

Помимо нашей группы, в лагере были три офицера ГУР, которые имели к нам отношение. Главным был полковник Игорь Владимирович Гордийчук который, собственно, и был нашим куратором и главным идеологом создания добровольческой группы. Владимирыч с первого взгляда показался дружелюбным и открытым. Он заглядывал в лагерь лишь на пару минут, а затем нёсся по своим делам. Владимирычу, в меру сил и свободного времени, помогали два офицера – Альберт и Толик; с последним я познакомился ещё у ворот аэродрома, когда он с Костей приехали забирать меня с пожитками. Ко мне все относились с заметным уважением, и скорее всего главную роль в этом сыграл статус волонтёра и офицерское звание, чем мои личные качества и черты характера.

Ваня «Ганс» удерживает опорный шест палатки, пока остальные расправляют полотно и устанавливают боковые опоры.

Утро после установки палатки.

В офицерской палатке Толик под диктовку Кости «Вихря» набирал на компьютере списки нашей группы. По словам Кости, уже больше сорока человек записалось, но соберутся все только через неделю-две. Этот момент я понимал очень хорошо, ведь перед уходом на войну людям нужно было уволиться с работы, уладить свои семейные и бытовые проблемы. Отец не знал, что я уехал. Маме сказал, что я буду в штабе. А дети – слишком маленькие, чтобы глубоко вникать в эти вопросы.

Мои данные тоже переписали и внесли в список на компьютере. Что дальше будет с этими данными, меня особо не интересовало. Разбираться в армейской бюрократии мне хотелось меньше всего. Впрочем, офицеры и сами не знали о дальнейшей судьбе нашего подразделения. Вначале говорили, что мы будем отдельной добровольческой разведротой при самом Главном управлении разведки. Затем сказали, что при ГУР такой структуры быть не может, поэтому нас скорее всего припишут к одному из полков спецназа, но оперативно мы всё равно будем при ГУР.

Для нас тогда это не имело особого значения, поэтому мы и не вникали. Вопрос оформления нас интересовал лишь потому, что оружие нам должны были дать только после него. А бытовые условия были как у всех: питались мы в общей столовой на аэродроме, мылись в душе у соседей, ходили в общую отхожую яму.

После обеда нам подвезли большую армейскую палатку и штук двадцать ржавых кроватей. Устанавливать огромную палатку вчетвером в жару, не особо умея этого делать, – удовольствие редкое. Но коллектив подобрался хороший, и мы наржались вволю. Мы с Ваней крутились на опорных шестах как профессиональные танцовщицы, пытаясь удержать их вертикально, пока Олег и Серёга ставили боковые стойки и натягивали углы. Было жарко, но весело.

Приняв душ и переодевшись, мы успели на ужин в столовую. Вечерняя прохлада немного развеяла жару, и несмотря на бессонную ночь спать не хотелось. Ночлег был организован в новой палатке. Каждый из нас четверых мог занять любое место. Поскольку кровати нам привезли без матрасов, то спали мы всё равно на карематах и в спальниках на земле.

Перед выездом на встречу генерала.

Закат на Краматорском аэродроме.

2 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО

После утреннего кофе Костя поехал в Харьков, чтобы забрать остальных бойцов нашей группы. Там якобы у некоторых были нюансы с военкоматами, нужна была помощь. Да и нужно было у волонтеров забрать машину и что-то из экипировки для группы. Меня Костя оставил за старшего среди нас четверых. Других офицеров как бы и не было.

Через какое-то время приехал Владимирч. «Ребятки, нужны двое человек – встретить генерала в Изюме. Там один из замов начальника Генштаба приезжает. Нужно сопроводить его сюда. Только если будет у вас что-то спрашивать, скажите, что вам запрещено разговаривать, приказ, мол. Вы ж ни хрена не оформлены ещё».

Ехать решили мы с Серёгой. А Олега с Ваней оставили в лагере. Ко времени выезда мы уже были похожи на боевиков из фильмов: бронежилеты, тактические перчатки, очки. Владимирч вручил нам два автомата, и мы сели в «уазик», в котором уже были двое: водитель и майор. На фоне одетых в старенький «дубок» военных мы выглядели весьма и весьма колоритно.

Дорога из Краматорска в Изюм была привычной, только теперь я ехал с оружием и в совершенно иной роли. Приехав на окраину Изюма, мы остановились на месте, где располагался первый блокпост. Было очень жарко. Поставили машину в тени, а сами спрятались у кустарников.

Так уж получилось, что единственная тень была как раз возле открытого шлагбаума, у которого совсем недавно располагался блокпост. Водители при виде вооружённых бойцов останавливались по привычке, и приходилось им постоянно махать рукой, чтобы проезжали дальше. Это немного раздражало, но движение было не особо интенсивным, поэтому можно было терпеть такое мелкое неудобство, отвлекавшее от праздного ожидания генерала в тени.

И тут я не поверил своим глазам. Сине-зелёный «рено кангу» с днепропетровскими номерами остановился передо мной. В этой самой машине я раз пять катался на фронт как волонтер. Это был автомобиль «Народного тыла», который дала нам Марианна, я ласково называл его «кенгурёнышом». Помню, как после одной из первых поездок на «кенгурёныше» я в шутку сказал Марианне, что если мы оба – машина и я – доживём до конца войны, то я его у неё выкуплю. На что она лишь грустно улыбнулась и сказала: «Главное доживите, а там посмотрим».

За рулём «моего» бывшего и будущего автомобиля сидел парень, которого я знал лишь по фейсбуку, – Родион, или, как его все звали, «Рой». Именно он меня и сосватал в нашу добровольческую разведроту. После моего решения идти добровольцем «Рой» отговорил меня идти в «Айдар» и дал телефон Саши «Сокола»:

Наша палатка с флагом от полтавских друзей.

«Не иди в „Айдар“. Там мутно всё. Сформировалось отдельное подразделение спецназначения прикомандированное к какой-то ВЧ спецназа при ГУР. Пока точного названия не знаю. Будет подготовка на базе и по готовности на „работу“. Командир надёжный – Костя „Вихрь“. Он партизанил плотно под Славянском. Он меня и пригласил. Тоже иду. Хвосты подтягиваю, с работами да кредитами разбираюсь. С „Вихрем“ пересекусь, доки отдам, оформлюсь. Потом

груз завезу – последняя моя волонтерская поездка. Думаю, ещё максимум неделька тут. Да и снаряги чуть подкупить надо».

Теперь «Рой» сидел передо мной в машине в одних шортах и со словами «Бери! Подарок!» протягивал мне через открытое окно сигареты и брелок «Путин – Ху...ло!» На секунду я почувствовал себя аборигеном, которому дают стеклянные бусы, но сдержав смех, я серьёзным тоном сказал: «Это моя машина». «Рой» на мгновение опешил. Его можно было понять. Перед ним в броне и с автоматом стоял сурового вида бородач и утверждал, что это его машина.

Дабы разрядить обстановку, я снял тёмные очки и сказал: «Ты Родион. А я Макс Музыка. Мне Марианна обещала после войны эту машину». Весело посмеялись. «Рой» как раз ехал в свою последнюю волонтерскую поездку и примерно через неделю должен был присоединиться к нам.

Вскоре на тёмно-зелёной «школе» с чёрными номерами приехал генерал. Просто и искренне пожал руки и, отпустив свою машину, сел между нами с Серёгой в наш пыльный раскалённый «уазик». Это сразу вызвало уважение. Час езды в «уазике» по такой погоде – особая радость. Когда встаёшь с сиденья, пот ощутимыми струйками течёт с задницы в берцы.

«Це ви самі себе екіпірували?» – мой крутой наряд вкупе с тактической неуставной бордой вызывает у привыкшего к порядку генерала закономерные вопросы. Киваю. Но молчу, помня о приказе Гордийчука. А вот с Серёгой этот номер не прошёл. Мой напарник, как всегда, прямолинеен: «Хочешь воевать – одевай себя сам!» Генерал морщится: «Насправді армія екіпірована державою повністю. Лише на 30 % не вистачає бронезилетів».

Тут меня и переключило. Вспомнил все три месяца своих поездок на фронт. Вспомнил всех голых, босых и голодных бойцов. От уважения не осталось и следа. Кусаю язык. Молчу. Обещал же Владимирычу молчать.

Проезжая каждый перекрёсток, где стоят уже снятые блокпосты, генерал спрашивает: «А це був сепарський?» Отвечаю: «Ні. Це наш був. Тут поворот на Довгеньке, де був наш штаб до звільнення Слов'янська та Краматорська». Сразу было видно, что человек приехал в первый раз и ничего не знает.

«Давно у війську?» – генерал пытается понять всё же, кто мы. «Присягу прийняв в две тысячи первом» – говорю чистую правду, хотя умалчиваю, что это был выпускной военной кафедры при киевском «политехе». «Народу України, сподіваюсь?» – шутит генерал. «Лише йому єдиному!» – улыбаюсь, довольный тем, что удалось и не соврать, и не раскрыть всей правды.

Возле третьего блокпоста «уазик» закипел, и пришлось полчаса ждать, пока можно будет ехать снова. Вот тут уж я не удержался. Подошёл к генералу и показываю ему на бойца с автоматом в замызганной майке, спортивных шортах и шлёпанцах на грязную босую ногу. Говорю: «Вот так на самом деле экипирована армия, а вовсе не так, как у вас в генштабовских и министерских отчётах пишут». Генерал аж сглотнул: «То, мабуть, не наші. То, мабуть, Нацгвардія». Но видно было, что его мои слова серьёзно зацепили. До самого аэродрома генерал больше не проронил ни слова.

Вечерняя прохлада успокаивала, но до самой ночи слышны были песни и выкрики. Десантники и их соседи праздновали день ВДВ. Но когда десантники запели под гитару песню группы «Любэ» со словами: «Я влюблён в тебя, Россия, влюблён...» Я не смог сдержать смех. Нацисты, такие нацисты. Ага.

3 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО

Утром мы наконец добились, чтобы нас немного потренировали. Потому что из нас четверых никто толком даже не держал в руках автомата. На полигоне были две группы добровольцев. Наша группа «Харьков» и группа «Луганск» – их мы видели впервые, как и они нас.

– Вы тоже от Гордийчука? – спросил я у их старшего.

– Да. Я – Тренер – ответил крепкий приземистый мужик с угрюмым взглядом. Протянул руку.

– «Зоран». Сейчас в харьковской группе я за старшего. Костя «Вихрь» в Харьков за остальными ребятами поехал. Интересно, много у Владимирыча таких групп?

– Да вроде ещё «Крым» есть, но я их ещё не видел.

Большие, чем напарники. С Серёгой Быстровым перед вылетом на Саур-Моида.

Было жарко. Тренера звали Темуром, и он терпеливо помог нам освоиться с ПКМ. Видно было, что человек опытный, а его бойцы выглядели матерыми солдатами. Особенно по сравнению с нашим молодняком. Практически все из нас впервые стреляли. И я не исключение. Мы отстрелялись из автомата, пулемёта и вот-вот должны были начать стрелять из гранатомёта, как к полигону подъехал Игорь Владимирович. Он был на машине, хотя до наших палаток было метров триста. Видно, спешил:

– Ребятки, меня тут назначили старшим на Саур-Могилу, и через пару часов я вылетаю. Кто готов лететь со мной? На два дня. Побудете со мной при штабе.

Мы переглянулись. Группа «Луганск» практически в полном составе вызвалась ехать, кроме Гены, которому нужно было срочно уехать домой. Наша же группа явно не чувствовала уверенности в себе. Решение предстояло принимать мне. Отошли посоветоваться:

– Макс, мы ж ещё не готовы. Первый полигон только. Да и без Кости стрёмно ехать.

– Да я понимаю, но я поеду. Кто-то от нас должен с Владимирычем поехать. Мы ж тоже его группа. Херово будет, если от нас никто не поедет. Поэтому я поеду.

Ребята выглядели потухшими. Я сказал о своём решении Гордийчуку.

– Кто со мной, идите собираться. Через два часа вылет, – сказал Владимирыч и поехал с полигона. Я успел прыгнуть к нему в машину, чтоб не идти по жаре.

Через десять минут в палатку ворвался запыхавшийся Быстров:

– Братуха, я с тобой. Бля, я себя уважать не буду, если ты поедешь, а я останусь. Мы ж напарники.

– Серёга, если не чувствуешь, не едь. Это нормально. Никто на тебя криво не посмотрит. А я тем более.

– Нет, нет. Я решил. Я с тобой.

– Спасибо, брат. Собираемся. Времени мало.

Пришли остальные ребята и немного смущённо наблюдали за нашими сборами. Да и мы нервничали. Не совсем понятно было, что брать с собой «на два дня», а что можно оставить.

3 августа 2014 г., г. Краматорск, аэродром, штаб сил АТО

В вертолёт за пару часов до заката садились полковник Гордийчук – наш командир и куратор из ГУРа, шестеро добровольцев из группы «Луганск» под командованием Темура Юлдашева, Сергей Быстров и я, с единственным «калашом» на всех добровольцев. Автомат был и у Гордийчука. Второй автомат он взял у своего зама – Альберта и вручил мне с дополнительным рожком, указав позицию стрелка в вертолёте. На вопрос об оружии для других бойцов Владимирыч ответил сухо:

– Всё получите на месте. Там всё выдадим.

Нас предупреждали, что нельзя фотографировать борт перед взлётом. Вопреки предупреждениям наши товарищи сделали фото. На позиции стрелка сижу я с единственным автоматом на группу.

На нас со взлётной полосы смотрели оставшиеся бойцы из нашей группы. Один даже успел сделать фото перед взлётом.

Вертолёт летел долго и очень низко, Поднимаясь лишь для того, чтобы перелететь через линии электропередач. Дверь постоянно норовила закрыться, и я держал её ногой. Ветер задувал под мои фраерские тактические очки, и я жалел, что не взял маски. Это был мой первый полёт, как и у всех добровольцев.

Наконец, мы спустились и в клубах рыжей пыли под последними лучами красного солнца выгрузились. Едва последний из нас выпрыгнул, – вертолёт взмыл вверх и стало очень тихо.

– Суки. Трусливые пилоты. Не там они нас высадили, – злился Владимирыч.

Мы не знали, куда нам нужно было, поэтому нам было всё равно. Только расстроились из-за забытого в вертолёте пакета с рациями и биноклем.

Поднялись к деревьям, и нас встретили запylённые бойцы из 72-й бригады.

– Я полковник Гордийчук. У меня приказ забрать у вас взвод огнемётчиков и ехать в Петровское под Саур-Могилой.

– Полковник, наверное, вас ввели в заблуждение. Вы знаете, какие у нас огнемёты? У нас даже не «шмели», у нас «рыси». Там огнесмеем сорок лет, при сроке хранения – десять. Ими максимум шашлыки можно пожарить.

– Неважно, там «зелёнку» надо поджечь. Берите всё. Берите РПГ и побольше БК.

Через часа полтора в полной темноте мы погрузились в нетентованный «урал» и отправились в путь. Единственное свободное место для меня оказалось в кузове прямо над кабиной водителя на каких-то ящиках с оружием. Снова в лицо дул ветер. Теперь уже прохладный.

4 августа 2014 г., с. Гранитное, база 3-го полка СпП

Дорога из Солнцева, где стояла 72-я бригада, к Гранитному, базе 3-го полка спецназа, была недолгой. Приехали в полночь. Старший по лагерю «кировоградцев» был дружелюбен:

– Выезд в 3:30. Ребята, есть пустая палатка – идите, поспите немного.

Огнемётчики предпочли спать в своём «урале», а мы всемером решили воспользоваться предложением.

Палатка оказалась не совсем пустой. Стояли два десятка кроватей с вещами на них и под ними. Везде были боеприпасы. Также в палатке оказались и два нетрезвых спецназовца.

– Мужики, давайте по пятьдесят. Помянем пацанов. Мы из всей группы вдвоём в живых остались. Я в командировке был, а мой кореш в госпитале. Все остальные не вернулись.

Некоторые из нас сели за стол. Остальные – попытались сомкнуть глаза. Разговоры за столом длились до самого выезда, я слушал их с закрытыми глазами, лёжа, не снимая брони и берцев на застеленной кровати в дальнем углу.

– Видишь вон тот рисунок? «Папа! Жду тебя!» Это дочурка папке прислала. На этой неделе пришло письмо. А папы нет уже. Вы ешьте, пацаны.

Когда мы собирались, хозяева палатки, увидев, что у нас на семерых один автомат, напаквали нас гранатами, «трубами», «дымами». Меня доукомплектовали магазинами. За что им огромное спасибо. А то так бы с двумя рожками и бежал на штурм.

Я едва не забыл спросонья в палатке свой рюкзак, но в последний момент, уже в кузове, вспомнил, что чего-то не хватает, и успел его забрать.

В полчетвёртого утра наш караван из четырёх «уралов» выехал из Гранитного в сторону Петровского, что под Саур-Могилей.

Каска-сомбреро, попавшая ко мне в результате «шутки» бойцов 72-й бригады.

Фото по приезду в Петровское.

В кузове «урала» 72-й бригады у меня под ногами оказался кевларовый «шуберт» огромного размера:

– Народ, а чья эта каска?

– Да ничья, если надо, забирай.

Я обрадовался. Ещё бы. Раздобыть каску в Киеве мне не удалось, а тут она сама пришла.

Только через год я узнал, что кто-то из огнёмётчиков жестоко подшутил над своим товарищем, который потом долго и безуспешно искал свою каску, получил жёсткий нагоняй от командира. Хорошо хоть ему на штурм нашли другую каску, и он не пострадал из-за недоброй шутки своего товарища и моей наивности.

4 августа 2014 г., с. Петровское

Поздним утром колонна из трёх «уралов» 3-го полка СпН и одного «урала» со взводом огнемётчиков и семерыми добровольцами ГУР остановилась вдоль центральной улицы Петровского. Во дворе последнего дома по улице, прямо на выезде к Саур-Могиле был расположен оперативный штаб.

В штабе было людно. Полковник Гордийчук и ГУР, подполковник Капинос из 51-й бригады, высокий светловолосый полковник из 3-го полка составляли оперативный штаб операции. В сторонке, на крыльце нетронутого дома сидел командир «Правого сектора» Дмитрий Ярош. Увидеть его там было неожиданно и весьма приятно. До этого видел его лишь мельком на Майдане.

Некоторые бойцы неуверенно просили разрешения сфотографироваться. Дмитрий никому не отказал. Даже на просьбу моего напарника Серёги Быстрова о шевроне ДУК устало улыбнулся, снял верхний китель и сорвал шеврон от тактической рубашки:

– Тільки обережно. За нього сепари десять тисяч доларів винагороди дають.

Темур рассказал Ярошу историю о том, как его пытали током пророссийские террористы в подвале луганской СБУ и требовали, чтобы он признался в связях с «Правым сектором».

– Так что вы мне должны за это!

Что именно должны «правосеки» Тренеру, было не совсем очевидно, но эта не совсем забавная, но тем не менее история немного сгладила нервное напряжение.

Позднее Ярош в сопровождении своих бойцов уехал в свой штаб в Степановку, по другую сторону от Саур-Могилы, где базировался батальон 30-й бригады.

Штурм был намечен на вторую половину дня. Основную роль в нем должны были сыграть бойцы 51-й бригады, которые уже три раза ходили на штурм высоты. На ней они знали каждую позицию противника. Сам курган они называли не иначе как Шайтан-Гора. Помимо их, на штурм пошли спецназовцы и огнемётчики, с которыми мы приехали.

Серёга Быстров и невозможная мимимишность.

Быстров и Ярош у оперативного штаба в крайнем дворе села. Хата заперта хозяевами. Её вскрыли лишь когда нужно было где-то положить раненых.

Отдалённые звуки боя доносились до штаба, но больше бой слушали по многочисленным рациям, которые были тут, но работали они не всегда и не везде. Вскоре после начала штурма с холма в клубах пыли с грохотом влетела «бэха».

– Носилки! Носилки! Ворота открывай!

«Бэха» остановилась прямо у ворот штаба. Заведённые бойцы двигались с такой скоростью, что мы выглядели сонными мухами.

– Сука! Заклинило люк! Отвали!

Боец ногой с яростью бил по ручке люка десанта. Наконец люк открылся, из него вытянули бойца и аккуратно повели в медпункт, оборудованный в летней кухне.

Поддерживаемый с двух сторон, раненый волочил ноги, но шёл. Текло из бедра, но и изолба торчал осколок мины длиной с ладонь, взгляд его уже был далеко. Через пару часов он умрёт в вертолётe во время эвакуации.

«Бэха» уже улетела назад в бой. Штурм продолжался минут сорок. А может, и больше. Чувство времени на войне хромает. Во время этого штурма был убит подполковник 3-го полка. Он лежал лицом вниз на носилках. Белая спина с двумя ранами неподвижно смотрела в небо. Также было около десятка раненых, разной степени тяжести.

Руки бойца 51-й бригады.

Вернувшиеся со штурма курили. У некоторых дрожали руки. Бойцы 51-й вспоминали ушедшего товарища:

– Он же на штурм не хотел идти. Чуйка у него нехорошая была. Взял у меня «корсар» с «шеей», чтобы более защищённым быть, но из-за него не смог в люк влезть – застрял. Тогда ему осколком в голову и прилетело.

– Он же и девочку себе нашёл. Местную. Из-под Волновахи, кажись. Хотели в сентябре пожениться.

С насюка Шайтан-Гора не далась. Но завтра будет новый штурм, в этом никто не сомневался.

Бронежилеты снятые с раненых и убитых бойцов у медпункта.

5 августа 2014 г., с. Петровское

Ночь прошла спокойно. Мы лишь два раза по команде «Грады!» бегали всем штабом в укрытие, в качестве которого выступал обычный сельский погреб. Но бегать мне надоело, поэтому следующую ночь я решил спать прямо в погребе.

Утром приехало подкрепление – десантники 25-й бригады во главе с молодым комбатом, голова которого была покрыта шрамами. Женя Мойсюк, полковник. С ходу он назвал всех трусами и сказал, что гору взять – нехер делать. Бойцы 51-й бригады смотрели на него исподлобья, у них за плечами был огромный опыт безуспешных штурмов. «Ну-ну! Так сходи и возьми, смелый ты наш!» – читалось в их глазах.

– Он у вас какой-то й...бнутый, – говорили мы десантуре.

– Да он вообще безбашенный. Но по-правильному безбашенный.

Видно было, что бойцы его уважали.

Во дворе у штаба.

Быстров и Миша Горох из 51-й бригады.

Также подъехали экскаватор и три танка. Тогда я впервые услышал забавный уменьшительно-ласкательный позывной, который повсеместно использовали для наших танчиков, – «Мишка».

Было принято решение до обеда работать танками по стеле, из-под которой вёлся самый неприятный огонь по нам, и попытаться выжечь «зелёнку» у подножия кургана, откуда лупили снайперы и пулемётчики противника. А после обеда уже с 25-й бригадой идти на штурм.

За это время все пытались найти хоть какую-то схему дотов и план мемориального комплекса. Нашли несколько рисунков в интернете, распечатали снимки со спутников «гугла». Но то, что было нужно найти, не показывалось. Друзья из Киева нашли мне телефон женщины – научного сотрудника, заместителя директора мемориального комплекса. Но после слов «Вооружённые силы Украины» она отказалась говорить. Поджечь «зелёнку» так и не удалось, хотя огнемётчики подоברались к ней очень близко. «Рыси» плевались просроченными на тридцать лет огнесмесьями, огнесмеси шипели, разжигали маленькие костры, которые быстро тухли. Гордийчук искренне недоумевал:

– По телеку смотришь, окурок бросили – сто гектаров леса выгорело, а тут не горит, и всё.

Мы же второй день пилили Гордийчука на предмет оружия, безоружные бойцы психовали. Серёге Быстрову «калаш» дал Саша Гавшин, командир огнемётчиков 72-й бригады.

– Не про...би. Иначе меня посадят.

– Так, а если в бою??

– Узнаю харьковчан. Хрен с тобой. Пусть садят. Главное – живой будь.

Луганчанам «Тренера» попытались дать АКСУ.

– С этими «плевалками» на штурм дотов??

Вы, бл..., издеваетесь???

В итоге дали-таки АКС раненых бойцов 51-й бригады. Наконец все мы были вооружены.

5 августа 2014 г., с. Петровское

Штурм и в этот день был неудачным. Танкам не удалось завалить стелу, хотя и прямых попаданий было немало. Устаревшие огнесмеси не смогли поджечь «зелёнку», хотя и было 39°C градусов в тени. Самоуверенность с десантников сбили два «двухсотых», полученных, когда рядом с их БРДМ разорвалась мина. Осколки прошли обшивку насквозь, унеся жизни бойцов. Наши «грады» ложились не всегда точно, запомнился разговор при штабе:

- Разрывы «града» по «зелёнке».
- Чьи «грады»??
- Похоже, наши...

В ветрозащитной полосе под Саур-Могилой. На этой «бэхе» мы выехали на разведку с Ромой «Монахом» и Темуром Юлдашевым.

Темур наблюдает за Саур-Могилой. Ищем торчащие антенны передатчика, при помощи которого корректируют огонь по нашим бойцам во время штурмов.

- Бл... там же наши снайперы! С ними есть связь??
- Рации туда не добивают.
- Какой там оператор берёт? Лайф? У кого есть лайф? Дайте позвонить.
- «Грады» противника работали не лучше, периодически накрывая свою же высоту.

Ближе к вечеру Гордийчук с Капиносом решили своими глазами посмотреть на высоту. В качестве сопровождения были выбраны снайперы 3-го полка, пара бойцов 51-й бригады и несколько наших «луганчан». Но при посадке напарник Темура не смог в броне влезть в «бэху» из-за крупного телосложения, и вместо него сел я. Так случилась со мной первая разведка.

«Бэха» редела и неслась по полям подсолнечника, периодически делая резкие повороты. Мы остановились в разросшейся лесозащитной полосе. Через десять минут подъехала «бэха» с полковниками. Они заметно нервничали, руки дрожали, когда пытались набирать кого-то по мобильному.

– Может, не стоит здесь телефонами пользоваться? Мы же на их РЭБ светимся, – внаглую спросил я Капиноса.

– Мне надо. У меня нет другой связи.

Вид на Саур-Могилу из нашего укрытия.

Из зарослей мы смотрели на высоту в единственный бинокль и мой монокуляр. Высмотрели, что искали. Мощные антенны связи, по которой, очевидно, корректировался огонь артиллерии. На следующий день эти антенны будут уничтожены нашим огнём.

После возвращения с разведки.

6 августа 2014 г., с. Петровское

С самого утра было принято решение о том, что идти на штурм можно только после основательной артподготовки. Этот день наши три «мишки» продолжали лупить по стеле. О важности операции свидетельствовало не только то, что Генштаб дал добро на разовое применение «Точки-У», но и все переговоры при штабе, невольными свидетелями которых становились все оперативные офицеры:

- «Сумрак», ответь «Грому». – «Сумрак» на связи.
- Какого х...я вы ещё не на высоте!!! Мы уже журналистам сказали, что вы её взяли.
- Так нету штурмовой группы...
- Не е...ёт! Высота должна быть взята!

Естественно, нервозность передавалась и ниже. «Сумрак», он же полковник Игорь Владимирович Гордийчук, он же Владимирыч, едва не подрался с офицером связи 51-й бригады Тарасом Трифонюком, орал на меня с Тренером, как на старших из группы добровольцев:

– Третий день тут трётесь! Завтра на штурм пойдёте. Спецназ не идёт – вы вместо них пойдёте.

Идти или не идти – вопрос для нас не стоял. Мы же приехали добровольно. Мы сами просили оружие защищать свою страну. И даже если у спецназа были весомые причины не бросать ценных специалистов на доты противника, у нас таких причин не было – мы были неучтённым бесплатным расходным материалом. Мы это осознавали. Но на нас это не влияло: «Надо, значит надо».

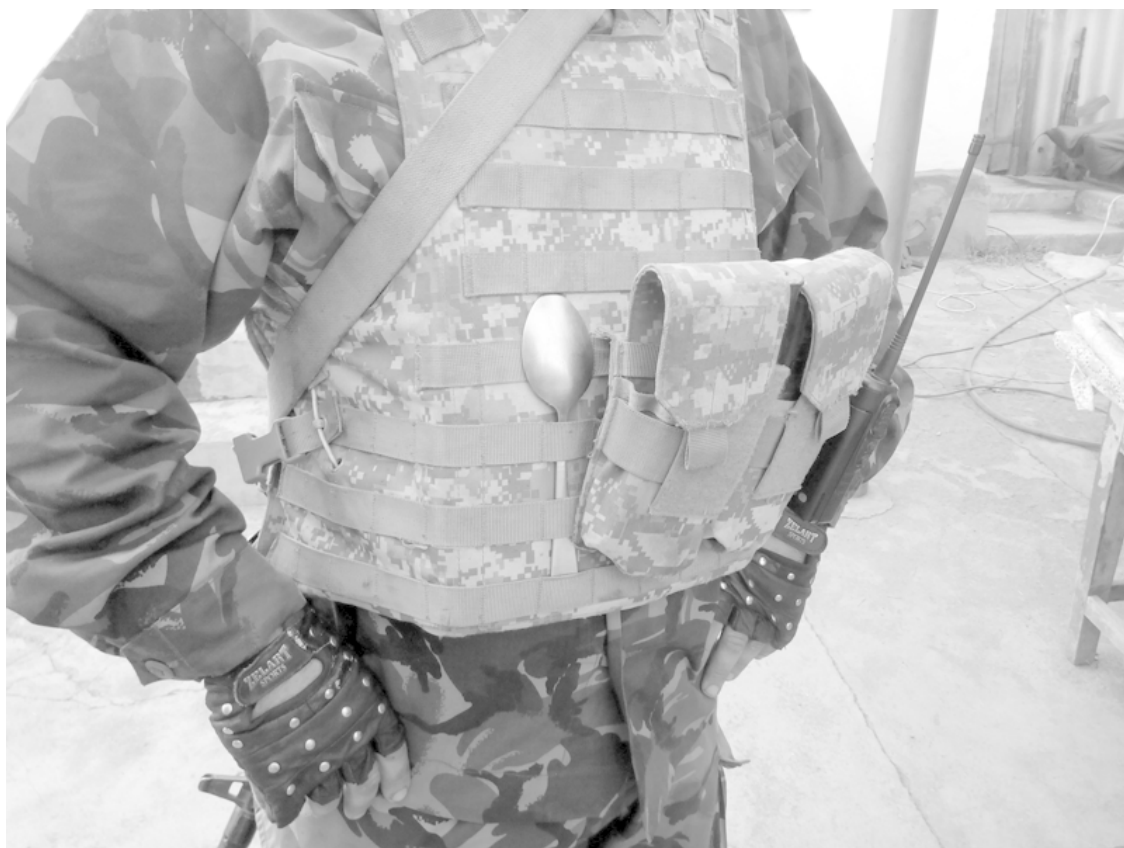

Тарас Трифониюк из 51-й бригады со щенками.

Мой спальный одиночный окоп рядом со штабом.

Тем временем мы не просто тёрлись. Мы сделали свой мини-лагерь, над калиткой которого Темур прибил доску с надписью «хозяйство Тренера». Мы уговорили экскаваторщика 25-й бригады вырыть нам глубокий ров, который вознамерились превратить в блиндаж. Сосновый кругляк был на другом конце села; мы взяли один из «уралов» и поехали за ним.

Война войной, а обед по расписанию.

«Правосеки» за работой. Наш блиндаж из подручных материалов. Скоб, гвоздей, досок, мешков у нас не было. Через несколько недель этот блиндаж чудом выдержит два попадания.

Пока методом рычагов и кантования грузили кругляк в кузов, в село въехала пыльная колонна «джипов», «пикапов», микроавтобусов, легковушек. Из окон торчали сине-жёлтые и красно-чёрные стяги. Это была «сотня правосеков», о скором прибытии которой ещё вчера говорили при штабе. Из первой машины высунулось добродушное огромное лицо:

– Братишка, есть длинный? Очень надо. Плохо без длинного, братишка.

Вначале я принял гиганта за неадекват, только позже я понял, что он просил «калаш», «длинноствол». Гиганта звали «Дальнобоем», и он был не просто дальнобойщиком, он был гением техники и «махатмой» – большой доброй душой. Погиб он полгода спустя, похоронен в своём селе у Днепродзержинска.

«Правосеки» расположились цыганским табором неподалёку от штаба и совсем близко от нашего «хозяйства Тренера». Они лежали, ходили, ругались и спорили. Но в основном валялись и с вялым интересом смотрели на наши потуги построить блиндаж без пил и мешков, которых банально не было.

Кругляк мы кинули с минимальным шагом поперёк рва. Поверх кругляка накидали досок, шифера, кусков металла, дверей и всего, что могли притянуть. Дальше начали закидывать всё это землёй.

«Бешеный механ» из 51-й бригады зашёл поглядеть на стройку:

– А чоґо це ви лише вдвох із Зораном копаєте, а ці байдикують?

Он выразительно глянул на валявшихся в тени «правосеков». Мой помощник Костя из «Луганчан» ответил нарочито громко:

– Да это они только до первой команды «Грады!» так будут лежать, а как только е...анёт, мы при входе в блиндаж их ещё и обилечивать будем.

Дюжина «правосеков» медленно поднялись и со смущёнными улыбками попросили и им дать лопаты. Так я смог отдохнуть и сделал несколько фото.

6 августа 2014 г., с. Петровское

Мой напарник Серёга Быстров подлетел ко мне:

– Макс, надо что-то делать! Звонил Костян. наших пацанов вертолётчики высадили х...й знает где. Они сейчас лежат в «зелёнке» с двумя калашами, а перед ними танки сепарские ездят.

Это было долгожданное подкрепление, состоявшее из добровольческих групп «Харьков» во главе с Костей («Вихрем») и группы «Крым» во главе с Исой Акаевым. Все мы, вместе с группой «Луганск» Темура Юлдашева, составляли отдельную разведроту при ГУР, куратором которой был полковник Гордийчук. Но тяжелейшее ранение, полученное им в конце августа, поставило крест на этом подразделении, целиком состоявшем из добровольцев.

– А что Владимирыч говорит?

– Матерится и говорит, что они сами виноваты. Макс, в чём, бл...дь, виноваты?! Их тупо не там выбросили из «вертушки». Надо их выручать.

– Серёга, как выручать?? Ради десятка пацанов под танки никто технику не пошлёт! Её и так х...й да них...я! Может, когда стемнеет, тогда, может, как-то. А где они точно лежат?

– Да они и сами не знают. Их же без карты выбросили.

– Бл... Ну, пусть ждут. Я е...у что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.